

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Леа Стенберг
РЕННВИНД. ПОЦЕЛУЙ НОЧИ

Дизайн серии *Василия Половцева*
Иллюстрация на обложке *Дарьи Бобровой*

Стенберг, Леа.
С79 Реннвинд. Поцелуй ночи: [роман] / Леа Стенберг. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 384 с. — (Звезды молодежного фэнтези).

ISBN 978-5-17-147795-0

«ТЕБЯ УБЬЕТ ЛЮБОВЬ» — так было предсказано ей еще в детстве.

Нея никогда не знала своей матери. В восемнадцать лет она отправляется на ее родину, в туманный Реннвинд, город, куда жаждет попасть каждый, кому есть, что скрывать. Там она надеется найти ответы, но неожиданно становится хранительницей чужих и очень опасных тайн.

В элитной гимназии Хемлиг девушке предстоит разгадать тайну своего происхождения, найти виновника загадочных исчезновений учениц, обрести уникальный дар и встретить свою любовь, которая таит в себе смертельную опасность.

Нею влечет к ее загадочному однокласснику Бьорну, несмотря на то, что каждую из пропавших перед исчезновением, видели именно с ним...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147795-0

Copyright © Леа Стенберг, 2022
© Д. Боброва, иллюстрация
© Т. Костина, иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ», 2022
В оформлении использованы
изображения с лицензией ©Shutterstock



*Иногда сны сбываются.
Иногда сны больше,
чем просто сны.*

Любовь и страх — два самых сильных чувства во Вселенной. Мощные энергии, руководящие всем на свете. По сути все подчинено только им.

Любовь — величайшая из пыток. Теперь я знаю об этом. Постичь ее, познать всю глубину дано не каждому. И не сразу. Любовь будет кромсать на части, истязать, точить, как вода камень — годами, пока не разрушит окончательно.

А страх... Страх — это то, что я испытываю сейчас, глядя на поверженного у моих ног. Глядя на того, кого люблю.

Увы, теперь мне известно, что такое вырвать сердце из груди — в прямом смысле.

Дрожащими руками я касаюсь зияющей раны на его теле и понимаю: это конец. Несмотря на очевидность случившегося, все же наклоняюсь в наде-

жде услышать его дыхание. Тишина. Мои щеки обжигают горячие слезы.

— Когда-нибудь ты простишь, — шепчу я. — Я не могла поступить по-другому. Когда-нибудь ты меня простишь.





ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог

– 3 –

Часть 1

REGNVIND

– 5 –

Часть 2

ПРОКЛЯТИЕ

– 139 –

Часть 3

ПРОРОЧЕСТВО

– 263 –

ЧАСТЬ I

*

REGNVIND

Те, кто пропал,
уже не возвращаются

*



ГЛАВА 1



— Трасса самоубийц, — поясняет водитель, когда все пассажиры принимаюТ к окнам. — Так ее называют.

Узкая горная дорога петляет, и в свете полной луны мы наблюдаем, как дрожит пламя сотен свечей, хаотично расставленных на земле среди букетов цветов. По салону автобуса проносится шепот. Зрелище шокирует меня не меньше, чем остальных, но я спешу отстраниться от холодного стекла и закрыть глаза.

Сколько же людей здесь погибло по собственной глупости, неосторожности и по велению злого рока? Десятки? А может, сотни — судя по количеству зажженных огоньков?

Дорога убаюкивает, но у меня не получается уснуть. Ничего удивительного — у меня очередное обострение расстройства сна.

Обычно тетя Ингрид быстро приводит меня в форму своими снадобьями, но сейчас ее рядом нет. Если говорить правду и называть вещи своими именами, стоит признаться: я сбежала. А если уж быть честной до конца, то никакая она мне не тетя. Но сути дела это

не меняет: Ингрид Свенссон — единственный близкий мне человек и мой официальный опекун.

Так что да: я поступила с ней не лучшим образом, сбежав из дома, но это ради ее же блага. По крайней мере, так я утешаю себя.

Объясню, что к чему.

Ингрид — лучшая подруга моей мамы Карин, которая умерла во время моего появления на свет. Она могла сдать меня в приют или бросить на произвол судьбы, но поступила иначе. Все эти годы она воспитывала меня как собственную дочь: с момента рождения и до сегодняшнего дня, то есть почти восемнадцать лет.

Ингрид заботилась обо мне, дала мне прекрасное воспитание и неплохое образование, она посвятила всю себя мне и по этой причине не обзавелась собственной семьей и до сих пор не устроила личную жизнь.

Тетя любила меня, но я острее, чем когда-либо, чувствовала, что обременяю ее. За ней ходили толпы ухажеров, но она отвергала их одного за другим — и в этом крылась моя вина. Красивая и веселая тридцатилетняя женщина должна была вспомнить, что воспитывать чужого ребенка не единственное ее предназначение. Пришло время ей подумать, наконец, о себе. Поэтому я ушла.

А еще потому, что в один прекрасный день узнала, что у меня есть бабушка. Вернее, была. Все это время она жила в Реннвинде.

Мне стало известно об этом, когда нам по почте пришли бумаги: сообщение о смерти и документы на ее дом. Мы с Ингрид долго спорили, что делать

с наследством, но так и не пришли к общему решению. И как только тетя снова уехала собирать дикорастущие растения, я раскопала в сети информацию о Реннвинде, собрала чемодан, взяла ключи от бабушкиного дома и ушла.

Я оставила записку.

Лишь чертову записку на столе!

Знаю. Вряд ли так прощаются с тем, кто посвятил тебе восемнадцать лучших лет своей жизни, но в тот момент решение уехать в родной город матери казалось мне единственно верным. Теперь же я страдала от чувства вины, пытаюсь утешить себя тем, что тетя без меня наконец-то сможет начать новую жизнь.

* * *

«Добро пожаловать в Реннвинд», — гласит табличка.

Я выпрямляюсь в кресле и припадаю к окну. Если бы автобус не сломался по дороге, мы не проторчали бы четыре часа на трассе, ожидая техпомощь, и не въехали бы в город затемно. Но, видимо, существует какая-то высшая цель в том, чтобы Реннвинд впервые предстал передо мной именно таким — темным, туманным, зловещим.

Как бы он ни выглядел, я радуюсь, что приехала сюда. В этот город тянулись все ниточки истории под названием «Рождение Линнеи Остлунд». Только здесь я могла найти ответ на вопрос, почему беременная Карин Остлунд, моя мать, бежала отсюда много лет назад. А главное, от кого? И именно в Реннвинде живет мой единственный ближайший родствен-

ник — мой отец. Кто он такой, мне еще предстоит выяснить.

Автобус пронесется мимо кладбища и стоящей поодаль старой каменной церкви. Деревья, в свете луны протягивая сухие ветви, точно тянутся ко мне крючковатыми пальцами. С макушки могучей ели вдруг срывается и взмывает вверх, растворяясь в сером тумане, большой черный ворон.

Я ежусь и касаюсь кончиками пальцев кулона, висящего на шее. Когда-то он принадлежал моей матери, и поэтому особенно мне дорог.

— Через минуту будем на месте, — сообщает водитель.

Все начинают суетиться: одеваются, застегивают куртки, подтягивают к себе сумки и вешают на плечи рюкзаки. Пассажиров всего семеро, включая меня, но это помогает мне не так волноваться, что придется очутиться на пустынной городской улице в полночь.

Или я ошибаюсь насчет пустынной.

На улицах Реннвинда мелькают освещенные витрины магазинчиков, мигают светофоры, фонари льют желтый свет, тут и там пляшут искры костров и горящие факелы.

— Праздник в честь прихода весны, — говорит кто-то из пассажиров.

И как я могла забыть!

В эту ночь по всей стране отмечают этот жуткий праздник. Люди вытаскивают старье из дома, чтобы сжечь на городских площадях под завывание дудок и радостное улюлюканье. Судя по всему, местные тоже почитают эту традицию: повсюду встречаются подростки в причудливых масках, с факелами и вы-

пивкой в руках, а на площади висится огромный костер, кажущийся в темноте оранжевым столпом, поднимающимся к небесам.

— Ну и жуть, — радостно шепчет женщина, двигаясь к выходу.

Автобус ухает и замирает у края дороги. Пассажиры спешат к выходу. Еще раз проверив в кармане бумажку с адресом, я поднимаюсь, беру сумку и следую за ними.

— Всего хорошего, — улыбается мне водитель.

Я улыбаюсь в ответ, не зная, что ничего хорошего меня здесь не ждет.

Едва мы оказываемся на остановке, пассажиры автобуса расходятся в разные стороны. Я остаюсь стоять в одиночестве, подняв от ветра воротник и судорожно вдыхая влажный ночной воздух. Там, где гремит музыка, и мелькают огни костра, больше шансов найти того, кто подскажет мне дорогу, поэтому, вздохнув, я ставлю сумку на колесики и тащу за собой.

Через пару минут меня уже окружает толпа кричащих и танцующих людей. Многие из тех, кто моложе, обливают окружающих вином из пластиковых стаканов, смеются и громко кричат. Традиция носить на День весны устрашающие белые маски с уродливыми рожицами и кричать, чтобы отпугнуть злых духов, для меня не в новинку. Но сейчас я одна в незнакомом городе. И всякий раз, когда кто-то напрыгивает на меня с разбега или наклоняется к моему лицу и кричит, по моей спине пробегают мурашки.

Шарахнувшись от парня, который вдруг начал мычать, словно корова, я решаю отойти на безопасное расстояние от толпы.

— Ты ее напугал, Улле! — звонко смеется девушка, оттаскивая его от меня.

— А тебе что, совсем не страшно? У-у-у! — продолжает мычать он, протягивая к ней руки.

Я иду дальше по дорожке, вдоль которой стоят деревянные скамейки с изящными каменными основаниями. Позади скамеек стеной возвышается черный лес. Здесь тише, и не слепят языки костра, но мое сердце продолжает стучать словно бешеное. Не в силах его унять, я останавливаюсь посреди дороги.

— Тоже не в восторге от всей этой вакханалии? — вдруг спрашивает кто-то.

Я резко оборачиваюсь на звук.

— Ну, в смысле... — Передо мной девушка. Странное лоскутное вязаное платье, массивные кроссовки с полосатыми гетрами, немыслимое количество бус, веревок, украшений на шее, фенечек на руках и кольцо в губе. Она очерчивает пальцем вокруг своего смуглого лица. — Ты тоже без маски. Не по душе этот «праздник»? — Девушка изображает в воздухе кавычки.

Цыганка?

Я оглядываюсь по сторонам.

Тихо, темно, пустынно.

Я с детства привыкла относиться к представителям этого народа настороженно. Я смутно помню всю историю, помню лишь атмосферу парка аттракционов и взгляд черноволосой женщины, которая по-

дошла ко мне и крепко схватила за руку, стоило тете Ингрид отойти за билетами на карусель.

— Как интересно, — пробормотала женщина.

И я испуганно выдернула свою пухлую ручку из ее шершавой ладони.

— Про таких, как ты, — сказала женщина, бледнея, — мне все известно. *Тебя убьет любовь*. — Она попятилась. — Убьет!

— Убирайся отсюда! — выкрикнула ей в лицо вдруг возникшая рядом тетя Ингрид. Она присела на корточки и стала меня осматривать. — Она трогала тебя? Что эта женщина сказала?

— Если хочешь жить, убей его сама! — прокаркала цыганка и скрылась в толпе.

Этот случай быстро забылся, но слова засели глубоко в моей голове.

«Тебя убьет любовь» — что это означало? Книжки о любви, которые я таскала из библиотеки Ингрид, твердили, что любовь ранит, причиняет боль, терзает и прочее-прочее-прочее. Знакомясь с их содержанием, я примерно догадывалась, чего следует ожидать в будущем, если не повезет влюбиться. Но *убивающая* любовь — это звучало действительно пугающе. Может, именно поэтому и запомнилось?

— Ты чего? — Девчонка наклоняется и машет перед моим лицом руками. — Зависла?

— Я... — Мне приходится прочистить горло. — Я... нет. Простите.

— Неместная? — хмурится она, разглядывая мою сумку. — Все валят отсюда. Не понимаю, что может заставить человека по доброй воле приехать в забытый богом город дождя и ветра?

— Вы не подскажете, как мне найти этот адрес? — Спohватившись, я протягиваю ей листок.

Девчонка подставляет бумажку под тусклый свет фонаря.

— Как интересно, — ухмыляется она. Опять эти слова. И заметив, как я напряглась, тут же отмахивается. — Дальше по дороге. До конца, не ошибешься.

— Спасибо. — Выхватив записку с адресом, я спешу дальше.

Ветер завывает в вершинах сосен, по дороге стелется туман. Близость леса заставляет меня испытывать почти первобытный ужас и напряженно вглядываться в зияющую меж могучих стволов темноту.

Постепенно мостовая сменяется асфальтом, дорожка становится ровной, моя сумка перестает подсакивать, и колесики больше не дребезжат, но из-за тишины вокруг отголоски звуков с площади кажутся лишь более зловещими. Наконец, вдали показывается дом, и я не могу удержаться и ускоряю шаг.

И вдруг слышу тихие голоса.

— Послушай меня, — настойчиво произносит мужской голос.

Я останавливаюсь и вижу их.

— Отвали уже! — взвизгивает девица в ярко-желтом платье и красных туфлях.

Она стоит всего в паре метров от меня, привалившись спиной к дереву, а парень возвышается над ней — высокий, широкоплечий. Свет фонаря лишь слегка касается спины незнакомца, но я все же замечаю пугающий рваный шрам на его шее.

— Если хочешь жить... — Он осекается, перехватив ее взгляд, и резко оборачивается.

Я перестаю дышать. На лицах обоих — устрашающие маски.

— П-простите... — бормочу я, вцепившись в ручку сумки.

И уже собираюсь продолжить путь, как мне вдруг мерещится, что глаза незнакомца ярко вспыхивают желтым и их переполняет дикая, неконтролируемая ярость.

— Простите, — повторяю я и бросаюсь дальше по дороге.

Показалось ли мне, что его глаза светятся, или в них отразился свет фонаря, мне разбираться не хочется. Я во весь дух несусь по улице.

Нужный дом, как и обещала та девчонка, оказывается в самом конце. Двухэтажный аккуратный домишко со старомодными занавесками на темных окнах, низенький заборчик и пришедший в запустение газон. Довольно милое жилище, надо заметить.

Отдышавшись, я нерешительно ступаю на крыльцо, втаскиваю за собой сумку, достаю из кармана ключ и дрожащей рукой вставляю в замочную скважину. Поворот, еще поворот — он подходит. Мое сердце пускается вскачь. Я выдыхаю, и с тихим скрипом передо мной отворяется дверь в неизвестность.





Дом встречает меня прохладой и витающей в воздухе затхлостью. Я нащупываю выключатель, давлю на клавишу, и пространство коридора заполняется густым, темно-желтым светом.

Обстановка, прямо скажем, небогатая.

Я запираю дверь на засов, оставляю сумку у входа, прохожу в гостиную и включаю свет. У стены стоит старомодный диван и низкий журнальный столик, у окна — кресло-качалка. Растения в горшках на подоконнике и настенной полке давно высохли, и пол покрыт черной шелухой ссохшихся листьев. На всех поверхностях темнеет пыль, упаковки с сердечными лекарствами и потрепанный томик стихов тоже покрыты толстым пыльным слоем.

У меня щемит в груди, едва я замечаю фотографию на каминной полке. На снимке моя мать — примерно в том же возрасте, в котором я нахожусь сейчас. Она улыбается, и на ее щеках искрятся россыпи озорных веснушек. Глаза мамы лучатся светом, а длинные черные волосы ласково обнимают плечи. Она кажет-